

18+

АНДРИЙ ЗЛАТАРИЧ

Как изготовить шкатулку для хранения фей

ОДНА ИЗ ТАЙМ ЛОНДОНА



Андрей Златарич

**Как изготовить шкатулку
для хранения фей.
Одна из тайм Лондона**

«Издательские решения»

Златарич А.

Как изготовить шкатулку для хранения фей. Одна из тайм Лондона
/ А. Златарич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-624620-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Жизнь Винсента тиха, однообразна и бессмысленно-
стабильна. Смерть близких, одиночество, нищета, чахотка, тусклые будни
работника городского морга — он с равным безразличием сносит все
выпавшие на его долю тяготы. Без ропота, без надежды, без цели. Но лишь
один-единственный раз изменив своему профессиональному бесчувствию
и проявив совершенно неуместное и бесполезное сочувствие, он рушит
на корню всё то шаткое подобие благополучия, на котором держалась его
жизнь...

ISBN 978-5-00-624620-1

© Златарич А.
© Издательские решения

Как изготовить шкатулку для хранения фей Одна из тайм Лондона

Андрей Златарич

© Андрей Златарич, 2024

ISBN 978-5-0062-4620-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как изготовить шкатулку для хранения фей

1. Бесчувствие – самое главное в моей работе. Не нужно их жалеть, симпатизировать им. Особенно это касается юных и прекрасных.

На протяжении трёх с половиной лет я служил помощником мистера Лича, однако после того, как директор застал его в процессе некоего акта, что свершался им в обществе молоденького утопленника – красивого длинноволосого юноши чахоточного вида, скорее всего очередного поэта, которых нынче чуть ли не каждый день вылавливают из Темзы – нам пришлось распрощаться со стариком. С тех пор его должность занимаю я. Не желая порочить доброе имя мистера Лича и, в частности, из жалости к его пожилой супруге, директор решил не предавать дело огласке и обошёлся без вмешательства полиции. Да и нам самим ни к чему этот скандал. У красавца-утопленника всё равно не было никакой родни, так что едва ли кому-то было до него дело. К тому же мистер Лич был как всегда очень аккуратен – уж этого у него не отнять – так что тело несчастного юнца выглядело фактически нетронутым. Даже если бы в последний момент явились какие-нибудь дальние родственники, то и они бы не нашли, к чему придраться. Но никто так и не пришёл за ним. Так что мне опять пришлось хлопотать о похоронах и торговаться с гробовщиком – он очень упёртый малый, но учитывая, сколь ограничены мы в средствах, находясь на государственном финансировании, ему приходится сбывать нам свой товар по сходной цене. Тех мертвецов, за которыми никто не является по истечении двухнедельного срока, мы хороним за свой счёт. Мистер Каннинг – директор нашего заведения – как-то пошутил, что было бы куда экономичнее и проще отправлять их в топку. Посему, дабы не обременять директора, все вопросы относительно похорон наших неопознанных гостей приходится решать мне. Вообще-то это не входит в круг моих прямых обязанностей, но мистер Каннинг очень просил меня взяться за это дело и обещал небольшую прибавку к моему жалованию. Однако даже по прошествии года с нашего уговора он так не вспомнил о своём обещании – что, в общем-то, извинительно, учитывая его занятость. Тех средств, что я зарабатываю, мне хватало на месячную оплату сырой каморки в подвале питейного заведения миссис Тод, что я снимал до конца прошлого года, а также ровно на тридцать бутербродов с ветчиной и такое же количество чашек кофе. Поэтому я не люблю месяцы, в которых тридцать один день, и благодарю небеса за экономически благословенный февраль. Но мистер Каннинг, зная о моём бедственном положении, периодически угощает меня обедом – если быть точным, приносит остатки ужина из их дома. Миссис Каннинг замечательно готовит, но их маленькие дети – а их у четы Каннинг целая дюжина – не любят овощи, в частности, шпинат и сельдерей, благодаря чему у меня имеется шанс не умереть с голода. Мистер Каннинг по мере своих сил проявляет участие в моей судьбе, весьма ценя меня, как работника, особенно с тех пор, как мы лишились опытного в своём деле мистера Лича. Например, тремя месяцами ранее он подарил

мне свой старый сюртук. Не имея возможности обратиться к модистке, я заштопал все дыры на нём самостоятельно, перед этим выменяв у миссис Тод свой детский молитвенник на иголку с катушкой замечательных чёрных ниток. Но, увы, одеть мне его так и не пришлось, потому что после пары минут, проведённых в этом сюртуке, моя кожа покрылась сыпью, на лечение которой я истратил последние сбережения, а также деньги, вырученные с продажи отцовского цилиндра. Вследствие сей неприятности я был вынужден провести почти неделю без еды и в Сочельник едва не преставился, лишь чудом не сделавшись при этом постояльцем нашего заведения. Но мистер Каннинг и на сей раз выручил меня и предложил мне пожить прямо на работе, чтобы больше не тратить деньги на съём жилья. С тех пор я пребываю на работе круглосуточно, а это к радости мистера Каннинга позволило ему наконец-то уволить нашего сторожа пьяницу-Фокса, от которого он постоянно ожидал какого-нибудь подвоха, как было в тот раз, когда Фокс в нетрезвом состоянии уронил керосиновую лампу и нечаянно подпалил труп миссис Грид – весьма почтенной пожилой леди. Но благодаря моей договорённости с театральным гримёром месье Бенар, нам удалось общими усилиями привести покойницу в приличном виде, достойный погребения, так что её правнуки даже и не догадались о произошедшей с ней неприятности. Таким образом, мистеру Каннингу гораздо сподручнее иметь одного работника, зато такого, на которого он может всецело положиться. Я тоже только выгадал, переехав жить на работу, ведь это экономит моё время и деньги, так что теперь я имею возможность питаться три раза в день и даже покупать опиум, который мне недавно прописал доктор Пейн. С недавних пор я также начал откладывать деньги, остающиеся от моего жалования в конце месяца, хоть и не знаю, с какой именно целью – но привычка жить скромно и на всём экономить оказалась неистребима. Однако пару дней назад я заметил, что часть накопленной мною суммы исчезла, чего со мной прежде никогда не случалось, ведь, не имея больших средств, я привык быть очень аккуратен с деньгами и ещё ни разу не был небрежен в обращении с ними. Но боюсь, я стал рассеян и всему виною моя собственная невнимательность, ибо мне некого обвинить в краже, ведь помимо мистера Каннинга и двух молоденьких практикантов из медицинского колледжа, которые изредка приходят помочь мне, здесь никого не бывает. Студенты, работающие со мной на вскрытиях, очень приличные молодые люди, одевающиеся гораздо элегантнее меня, так что было бы нелепо подозревать, что они станут воровать последние шиллинги у нищего прозектора, работающего в городском морге. Посетители, приходящие к нам на опознание, не имеют доступ во внутренние помещения, а иных гостей – по крайней мере, живых – у нас не бывает. Впрочем, я уже перестал расстраиваться из-за потерянных денег, ведь, по правде, мне абсолютно не на что их тратить. В былые времена я питал глубокую страсть к книгам, но после того, как их все пришлось продать, я научился обходиться и без них, так что даже уже и не ощущаю этой потери. Ведь с недавних пор у меня фактически не остаётся времени на чтение и тому подобные праздные занятия. После увольнения мисс Порк – это была пожилая старая дева с подагрой и удручающей любовью к чесноку – к моим ежедневным обязанностям прибавилась уборка помещения. Но, учитывая охватившую меня в последние полгода бессонницу, занятие это для меня вовсе не обременительно, а даже напротив весьма полезно, ибо праздность, как верно заметил мистер Каннинг, питает дурные наклонности, разжигает нездоровые фантазия и желания, что совершенно излишне для человека моей профессии. Отсутствие лишних денег несёт неоценимую пользу того же свойства, ведь это избавляет меня от множества искушений, что предлагает современный мир. Ограниченность свободного времени и финансов позволяет мне проводить скромную, тихую жизнь вдали от общества, что совершенно не тяготит меня, а напротив даёт ощутить в полной мере свободу духа пилигрима, не обременённого имуществом и пребывающего лишь временно на сей земле, как учит нас Писание. И в прежние, более благополучные годы, когда была жива матушка и мой младший брат Эдриан, я не имел товарищей и находил удовольствие в уединении. Боюсь, моя профессиональная бесчувственность распространяется не только на мертве-

цов, но даже в большей степени на живых. Уже долгие годы круг моего общения составляют лишь коллеги по работе и полисмены, которые изредка навещают нас в том случае, коли кто-то из наших гостей имел связь с криминальным миром, либо был исторгнут из сей земной юдоли не естественным, а насильственным путём. Одиночество ничуть меня не печалит, но приносит душе моей великое умиротворение и блаженство. К счастью для меня, никто из окружающих не стремится сблизиться со мною – угрюмый мой нрав и неприятная внешность, надо полагать, вполне объясняют причину сего – и благодаря этому я избавлен от необходимости вести жизнь в столь чуждом для меня обществе. Единственный, кто по-прежнему проявляет признаки дружелюбия по отношению ко мне, это мистер Лич. Частенько он проводит меня с приходом темноты, справляется о моих делах, после чего принимается жалобно умолять пустить его внутрь и позволить хоть одним глазком взглянуть на «мёртвеньких мальчиков». Но я – не только из уважения к приказу мистера Каннинга, но в большей даже степени из своей личной неприязни к печальной склонности мистера Лича – решительно отказываю ему раз за разом, но, конечно же, в весьма вежливых выражениях, дабы не обижать старика. Однако, как я могу судить по той мстительной злобе, что читается в его глазах всякий раз после очередного моего отказа, в скором времени нашей дружбе, вероятно, придёт конец, о чём я, по правде говоря, едва ли сожалею.

Из всего вышесказанного, надо полагать, вы без труда сможете понять, что меня вполне можно считать счастливым человеком, которому не о чем тревожиться и печалиться. Именно такие люди, как я, могут безропотно, не ощущая себя при этом несчастными и обездоленными, исполнять самую рутинную и для многих отчего-то неприятную или даже пугающую работу в городском морге. Вполне возможно, я провёл бы в этой должности весь остаток своей жизни, покуда и сам не сделался гостем сего заведения. Вполне возможно. Если бы только в один совершенно не прекрасный день моё профессиональное бесчувствие не подвело меня.

Её привезли на рассвете – я как раз успел привести в порядок все последние отчёты, вымыл полы и заменил лёд для наших временных гостей в мертвецкой. Ещё до прихода мистера Каннинга и моих ассистентов из колледжа – они имели привычку появляться здесь не раньше полудня каждый выходной день – я провёл осмотр тела и составил своё заключение. – что исключало возможность надругательства с последующим убийством, что частенько бывает в Ист-Энде, где её обнаружили, а также этот факт опровергал моё печальное подозрение, что это очередная малолетняя проститутка. Следов повреждения на теле обнаружено не было, и чтобы точно установить причину смерти, мне было необходимо произвести вскрытие, но я мог сделать это только с позволения мистера Каннинга. Скорее всего, девочка была беспризорницей или нищей попрошайкой – столь истощённым выглядело её детское тельце. Такая нескладная, почти девушка, но в то же время всё ещё ребёнок с неоформившимся телом и белыми, как лён, волосами до лопаток. Сквозь лиловатую кожу – что-то подсказывало мне, что она и при жизни была столь же болезненно-бледна – проступали остренькие рёбра и бедренные кости, которые, казалось, вот-вот прорвут её. Будто мёртвая рыбка – костлявая холодная рыбка, на которую уже не позарится ни один кот. Кроткое лицо мученицы, припухшие веки в синеватых прожилках и маленький ротик – печальный и будто удивлённый. Я аккуратно отмыл её замаранное личико и тело, потом тщательно расчесал волосы. Если у неё всё же найдутся родные, пусть она предстанет пред ними настолько ухоженной, насколько это вообще возможно в её состоянии.

Проработав здесь столько лет, я видел мертвецов и покрасивее её – соблазнительных проституток с роскошными формами – и меня ни разу не тронула их привлекательность, я смотрел на их нагие тела, как на освежаванные туши, подвешенные на крюке в лавке мясника. Так почему же?.. «Бесчувствие», – напомнил я себе и, подписав номер, повесил его на лодыжку, что была тоньше моего запястья.

До прихода мистера Каннинга я успел осмотреть ещё пару доставленных мертвецов – пьяницу, захлебнувшегося на переправе, и дряхлую лавочницу, скончавшуюся от пневмонии, как мне привезли ещё одного – ражего детину с угрожающей физиономией, застреленного минувшей ночью. С этим было не избежать лишних хлопот. Теперь надо было ждать совсем не желанных посетителей из Скотланд-Ярда. Мне никогда не доставляли радости встречи с полисменами, но я надеялся, что мистер Каннинг возьмёт на себя этот непростой вопрос. К счастью, на сей раз он не заставил себя долго ждать – а ведь в последнее время у него появилась привычка появляться в морге не раньше одиннадцати, да и то не каждый день. Как только он пришёл, я подробно рассказал ему про наших новых постояльцев, между делом попросив разрешение на вскрытие. Даже невзирая на те волнения, что доставил нам пристреленный бандит, директор уделил время маленькой мёртвой фее, но когда я повторил свой вопрос относительно её вскрытия, мистер Каннинг дал мне весьма странный ответ:

– Нет, не стоит её портить.

– Портить? – растерялся я, не уразумев смысла его слов, но более развёрнутого ответа так и не получил.

Меня это удивило, но спорить я не стал. У меня и без того хватало забот. День выдался столь хлопотным и утомительным, что даже я – человек, привыкший к нудной и тяжёлой работе – выдохся и впал в состояние сродни тому, что зовётся меланхолией и является чем-то вполне обыденным для праздных людей. Чтобы поскорее стряхнуть с себя это опасное настроение, я поспешил найти себе дело и вернулся в мертвецкую, дабы навести там порядок. Впрочем, если уж начистоту, порядок там и прежде был идеальный. И удручённо оглядывая привычное моему взору помещение, я осознал с тревогой, что меня привело сюда нечто другое. А когда мой взгляд упал на миниатюрные босые стопы с номерком, выглядывающие из-под простыни, я ощутил, как это беспокойное чувство усиливается. Моё врождённое бесчувствие, стократ обострённое в связи с непростой работой в морге, стремительно покидало меня именно в тот момент, когда я особенно в нём нуждался. Словно против своей воли, я откинув простынь с её бескровного личика, вновь принялся взволнованно рассматривать эти детские черты. Отчего же она умерла? И почему это не даёт мне покоя? Интересно, явятся ли за ней её родные? А если нет, что тогда? Мне придётся заказать для неё совсем крохотный, почти детский гробик и самому заняться её похоронами. Какие цветы она любила при жизни? Для неё я купил бы белые лилии – цветы Девы Марии – но мистер Каннинг явно не одобрит такие траты, а я не располагаю достаточными финансами для этого. Но что за глупые мысли? Безусловно, если у несчастной никого нет, я позабочусь о том, чтобы достойно проводить её на тот свет. Но ничего особенного для неё я делать не стану. Нет ничего глупее того, чтобы проникаться чувствами к мертвецам. Однако я всё-таки должен купить ей какое-нибудь простенькое платьице. Когда бедняжку нашли, на ней были какие-то ветхие лохмотья, покрытые личинками насекомых, так что я поспешно бросил эту ветошь в топку – ещё не хватало, чтобы здесь развелась всякая зараза.

С тяжёлым вздохом я покрыл лицо девочки простыней и отошёл к столу, пытаясь успокоить свои мысли. Был уже поздний час и я полагал, что мистер Каннинг ушёл домой – он не имел привычки прощаться со мной перед уходом, поэтому я никогда не знал наверняка, где он находится – однако за дверью вдруг послышались чьи-то шаги. Насторожившись, я прислушался, впрочем, тут же облегчённо вздохнул. Это был голос мистера Каннинга, он обсуждал что-то с неизвестным мне человеком. Удивлённо взглянув на часы, я задумался, кто бы это мог быть. В столь поздний час мы уже не принимаем посетителей, а полисмены Скотланд-Ярда уже, скорее всего, предавались спокойному отдыху в своих постелях – ведь если бы не любовь наших служителей порядка ко сну, то большинство лондонских преступлений не только было бы раскрыто, но и своевременно предотвращено.

– Совсем свеженькая. Только на рассвете привезли. – донеслось до меня из-за двери. – Ещё нетронута. Да, это точно. Мы уже проверили.

Пока я пытался уловить суть этого разговора, дверь распахнулась, и в мертвецкую вошёл мистер Каннинг, а следом за ним важно шагал ужасно полный джентльмен в костюме из дорогого сукна.

– А-а, вы здесь? – с неприятным удивлением протянул директор, кинув на меня отчего-то недовольный взгляд. – Отчего вы ещё не спите в такой час?

– Я решил немного прибраться. – неловко промолвил я, ощущая, что не совсем честен в этот момент.

– Похвально, Ламб, похвально. – сердито буркнул мистер Каннинг и обратился к толстяку. – Этот юноша проявляет поразительное для его возраста усердие в работе. Ну что ж, приступим. Ламб, покажите-ка нам новенькую – ту девчушку. К счастью, неожиданно нашёлся её отец.

Измучённо уставившись на одутловатого господина с пухлыми, влажными губами и противно поблёскивающими, поросычьиими глазками, я совершенно точно заключил для себя, что измождённая оборванка, найденная мёртвой в грязной подворотне, никак не может быть его дочерью. Так что же здесь происходит?

– Вы уверены? – смущённо пролепетал я. – Как я могу судить по её внешнему виду...

– Насколько я помню, вас сюда наняли не для того, чтобы вы о чём-либо судили, а лишь затем, чтобы вы ответственно выполняли свою работу! – прервал меня директор. – Живее! Где она? Лорд Аддингтон уже заждался...

– Я же просил, не называть моё имя! – вдруг взбеленился толстяк, покраснев, как опущенный в кипяток рак, и я с отвращением отметил, какой у него раздражающе высокий, по-женски визгливый голос, который ужасно не сочетался с его внешностью и делал его образ ещё более гротескным.

– Прошу прощения, лорд Аддин... то есть, я хотел сказать... молчу-молчу. – извиваясь и унизительно лебезя, рассыпался в извинениях мистер Каннинг и досадливо прикрикнул на меня: – А всё из-за тебя, негодяя! Быстрее покажи нам девчонку! Мы должны сегодня же отдать малышку членам её семьи, а о дальнейшем они позаботятся сами.

Нехотя повинуясь его приказу, я бережно приподнял простынь с её лица. Но директору, видимо, этого показалось недостаточным, и он резко откинул простынь, обнажив девочку с головы до пят.

– Зачем это?... – печально спросил я и впервые в жизни ощутил стыд за то, что смотрю на обнажённую покойницу, но мистер Каннинг бросил на меня столь гневный взгляд, что я вынужденно прикусил язык.

Отведя взгляд от несчастной, я посмотрел на этого мерзкого, жирного свина и, не сдержавшись, передёрнул плечами от отвращения. Приоткрыв свой мокрый, как склизкий моллюск, рот, толстяк бесстыдно уставился на девочку и принялся неспешно, с явным удовольствием разглядывать её, как какую-то намалёванную в непристойном издании куртизанку. Его лихорадочный взгляд почти не задержался на её личике, зато он тщательно рассмотрел незрелое девичье тельце – совсем маленькие, едва наметившиеся бутоны персей, впалый живот и ещё никем не тронутое лоно. Не вынеся этой гадкой сцены – плотоядно облизывающий губы мерзавец взирал на ребёнка, как на кусок сочного мяса – я подобрал простынь с пола и вновь заботливо укрыл её от этого гнусного взгляда.

– Так вы узнаете её? – сухо осведомился я, враждебно уставившись на обрюзглого хряка.

– Да, это *моя* девочка. – с довольным видом пискляво отвечивал тот.

– Как её зовут? – с сумрачным торжеством процедил я сквозь зубы, предвидя, что у него не заготовлен ответ на этот вопрос. – Покажите мне документы, удостоверяющие её личность и подтверждающие ваше родство.

– Что? Вы не говорили о таком! Мистер Каннинг, что всё это значит? – испуганно и возмущённо воскликнул толстяк, переводя взволнованный взгляд на директора.

– Ах, что вы? О чём речь? К чему нам эти формальности? – замахал тот руками с напряжённой улыбкой и зло обратился ко мне. – Учитывая положение нашего гостя, подобные мелочи не имеют значения.

– Но я никогда не отдавал тело, не проверив надлежащие документы. Не вы ли сами учили меня этому? – стоял я на своём.

– Извините, лорд... Одну минуточку. – с угодливой улыбкой обратился директор к насупленному толстяку и, оттащив меня за грудки в сторону, раздражённо прошипел. – Ну, хорошо-хорошо. Сколько ты хочешь? Так и быть я поделюсь с тобой. Только сильно не зарывайся.

Меня обуял такой сильный, неведомый мне доселе гнев, что я едва смог совладать с собой. От моего хвалёного бесчувствия, которым я так гордился, не осталось и следа. Теперь всё было совершенно ясно. Тот порок, за который был уволен мистер Лич, как ни странно, ничуть не смущает мистера Каннинга, если речь идёт об уважаемых дворянах, которые могут с лихвой оплатить это развлечение. Прodelывал ли мистер Каннинг такое прежде? Сомневаюсь. Во всяком случае, с тех пор, как я здесь работаю, у него не было шансов заниматься столь низким видом предпринимательства, ведь я бдительно слежу за выдачей трупов. Он не смог бы сделать это втайне от меня. Неужели мистер Каннинг совсем не боится? А что, если я заявлю в полицию? Или вдруг у бедняжки всё же найдутся родственники? Впрочем, при взгляде на сытую тушу сала в дорогом костюме, что в данный миг нетерпеливо поглядывала на свои золотые часы, я понял, что даже Скотланд-Ярд не станет связывать со знатным аристократом и затевать скандал из-за мёртвой голодранки. Если я попытаюсь им воспрепятствовать, они с лёгкостью раздавят меня, как назойливого комара. Люди, обладающие деньгами и властью, не привыкли слышать слово «нет». Мой единственный шанс это подыграть им и сделать вид, что я с ними заодно.

Эти мысли молниеносно пронеслись в моей голове за какую-то долю секунды, и я сдержанно ответил директору:

– О цене договоримся чуть позже. Сейчас я принесу платье и одену её. Вы ведь сами покупали ей это платье, сэр? – с прохладной улыбкой обратился я к свину. – Оно такое красивое. Вам ведь наверняка хочется, чтобы дочь вернулась домой в этом платье, а не завёрнутая в простынь, как какая-то нищая оборванка.

– К-конечно. – нервно кивнул тот, часто захлопав своими мерзко прищуренными глазами.

– Ах да, сэр, чуть не забыл. У вас же, надеюсь, нет аллергии на хлор? – с подчёркнутой учтивостью осведомился я у этой гнилой кучи мяса.

– Хлор? Что вы имеете в виду? – забеспокоился он.

– Я обработал тело вашей дочери раствором с хлором. Для дезинфекции. – едва сдержав злорадную улыбку, бесстрастно соврал я.

– Что ты сделал, подлец?! – возмутился мистер Каннинг и дал мне хорошую оплеуху, чего не водилось за ним никогда прежде, а испуганный хряк заморгал глазами ещё чаще со столь глупым видом, что мне стоило больших усилий не рассмеяться в голос.

– Её нашли в очень грязном закоулке. – пожав плечами, пояснил я. – Я беспокоился, что она занесёт нам какую-нибудь инфекцию. Вы же сами говорили, что я должен следить за порядком и чистотой. Я читал в одном медицинском журнале, что тела покойников обязательно надо дезинфицировать, потому что на них могут размножаться микробы, для которых гнилая плоть является идеальной средой обитания, что смертельно опасно для живых.

– Но не хrolкой же, дурья твоя башка! – в сердцах воскликнул директор.

– И что теперь? – осторожно поинтересовался толстяк, на которого, по всей видимости, произвело достаточно сильное впечатление упоминание о микробах и гнилой плоти, что однако, к сожалению, не изменило его гнусных намерений.

– О, не тревожьтесь! Это пара пустяков. – заверил я его. – Я сейчас же отмою её тело. У меня есть очень хорошее мыло – французское, с ароматом ванили. Не останется даже запаха хлора. Это не займёт много времени.

– Только поживее. Это надо же было придумать... – сердито буркнул мистер Каннинг и вкрадчиво обратился к жирному извращенцу. – Лорд, прошу, проследуйте за мной в приёмную. Нам с вами надо решить ещё один маленький вопросик. Понимаете, я сразу этого не учёл... А теперь у нас возникло некоторое затруднение.

По всей видимости, мистер Каннинг надеется вытянуть у него ещё больше денег, чтобы было из чего поделиться со мной. Дождавшись, пока они выйдут и скроются в коридоре, я быстро завернул девочку в простынь и осторожно приблизился к двери. Хорошо, что ни одному из них не пришлось в голову приниматься к её телу, дабы распознать запах хлора, которого здесь нет и в помине. И как только такая чушь пришла мне в голову? Оказывается, чтобы обмануть столь недалёких противников, не нужно быть гением. Когда их голоса стихли в дальнем конце коридора – это значит, что они свернули за угол по направлению к приёмной – я бесшумно покинул мертвецкую с девушкой на руках и спустился на пару ступенек, чтобы пробраться в каморку, где я обитал последние полтора месяца. Окно находится почти на уровне земли и выходит в грязную подворотню, не освещённую ни единым фонарём. Экипаж свина наверняка поджидает его у парадного входа, все остальные двери выведут меня на ограждённый бетонной стеной внутренний дворик, значит, сбежать незамеченным я смогу только здесь.

Не могу вспомнить, как я открывал окно, перелезал через подоконник – оказалось, это очень неудобно делать, когда твои руки заняты каким-то хрупким предметом – как бежал пустынной кривой улочкой между заброшенных сараев и мастерских, как петлял по ночному городу, будто ополоумевший завсегдатай Бедлама по лабиринтам своих бредовых фантазий. Опомился я, лишь только нырнув под испещрённый ажуром сквозных дыр свод заброшенного дома на другом конце города. Всякий раз, когда я гулял по Лондону – а делал я это крайне редко (ибо как я уже говорил, праздность была чуждым и опасным для меня времяпрепровождением) и только в дождливую погоду, потому что в такие дни на улицах меньше прохожих – я частенько смотрел на этот дом и думал, как славно было бы поселиться там. Оставшись без средств к существованию, я почти на полном серьёзе собирался перебраться туда, и лишь щедрое – как мне на тот момент казалось – предложение мистера Каннинга пожить в подсобке морга избавило меня от этой необходимости. Дом этот в отличие от прочих заброшенных домов Лондона, где частенько селились бродяги, а то и опасные преступники, стоял пустым уже целую вечность. Помимо дурой славы – вы, верно, знаете все эти истории про проклятые места, убийства и привидений – имелся у него и не столь мистический недостаток, а именно – удручающая ветхость, так что, заходя в него, вы ощущали острое головокружение от вида шатающихся на ветру стен и изрешечённого потолка – сквозь него можно было пересчитать все звёзды – что ронял вам на голову остатки побелки, щепки, а порою и гнилые доски. Но сейчас меня мало заботила возможность погребения под стенами рухнувшего дома, ведь у меня были куда более серьёзные проблемы. Пробравшись внутрь, в самую глубь этих руин, я схоронился среди обломков разбитой мебели и, пристроив у себя на коленях украденное мною мёртвое существо, завернутое в простынь, затаился, как мышь. Сердце моё бешено колотилось в груди от быстрого бега, так что мне чуть не сделалось плохо – а я-то ещё наивно считал, что у меня крепкое здоровье. Но постепенно дыхание моё выравнилось, и я ощутил совсем не заслуженное и ничем не обоснованное чувство умиротворения. Голова моя была абсолютно пуста, так что я был бессилён здраво обдумать ситуацию, в которую угодил по соб-

ственной глупости. Постепенно меня начало клонить в сон, и я впервые за последние полгода смог уснуть без содействия опиума.

2. Отец мой по своему рождению был благородным джентльменом, однако же, вместе с тем человеком, лишённым состояния, и более того – совершенно опустившимся. Растратив всё своё наследство на сомнительные проекты по первой молодости, он разорился, предался пороку пьянства и покончил с собой вскоре после рождения моего младшего брата. А когда не стало и Эдриана – его нашли в Темзе в январе, и та застывшая гримаса отчаянья на его обледневшем лице по-прежнему посещает меня во снах – здоровье моей матушки окончательно подорвалось, и она смогла пережить его лишь на полтора года. До последнего своего вдоха она твёрдо стояла на том, что произошедшее с Эдрианом это несчастный случай – хоть я и догадывался, что он сбросился с моста сам, не вынеся того, что сделал с ним профессор Вайс – этот добрый старичок, любезно предложивший бесплатно заниматься с ним, а после попросивший Эдриана за свои уроки об одной услуге. И мой пятнадцатилетний, чёрт его побери, брат с тем самоотверженным смирением, что является проклятием всех членов моей семьи, оказал подонку эту «услугу», что и привела его в итоге на Лондонский мост. Иногда я задумываюсь о том, как горько и печально должно быть моей матушке пребывать в Царствии Небесном в полном одиночестве, ведь вопреки её ожиданиям она не встретила там ни нашего отца, ни своего любимого младшего сына. Да и меня, скорее всего, ей там не видать.

Потеряв всех близких и лишившись последних средств, я был вынужден бросить колледж и искать работу. Конечно, я уже не мог надеяться на то, чтобы стать настоящим врачом, но годы упорного труда и медицинские курсы, что открыл пастор Томпсон для образованных юношей, не имеющих за душой ни пенни – чтобы удержаться там, мне приходилось сдавать по десятку экзаменов ежемесячно, все ночи напролёт проводить над книгами и лезть из кожи вон, чтобы доказать придирчивому преподавателю, что из меня может выйти хоть какой-то толк – я смог добиться того, что меня приняли помощником прозектора в городском морге. И вот теперь, проявив это проклятое, неуместное и совершенно бесполезное сочувствие, я разом перечеркнул все свои старания, долгие годы упорного труда, да и всю свою жизнь. Я не только лишился работы и средств к существованию. Это ещё не самое страшное. Как только о моём поступке станет известно, меня объявят в розыск, как похитителя трупов и некрофила. Даже если я попытаюсь обратиться в полицию, мне никто не поверит. Этот жирный толстосум заткнёт им всем рты своими деньгами. А самое смешное, что пока я тут вожусь с этим трупом, тот извращенец уже наверняка нашёл себе другую жертву – мало ли в Лондоне каждый день мрёт хороших нищенков, до которых никому нет дела. Так ради чего же я погубил свою жизнь?..

Проснувшись в сыром углу старого дома, я с трудом смог разогнуть свои кости и подняться на ноги. За эту ночь я и сам едва не окостенел, подобно моему нечаянному бремени, что лежит сейчас у моих ног, завернутым в эту отвратительную простынь. Нельзя же так бросать её на полу. С удручённым вздохом я опять поднял тело на руки и осмотрелся, куда бы её тут положить. Пора бы уже привести свои мысли в порядок и принять решение, что делать с ней дальше. Надо поскорее избавиться от неё. Меня и так наверняка скоро поймают. У меня нет шансов скрыться от полиции с трупом на руках. Бросить бы её в реку и дело с концом. А если её оттуда выловят и вновь отправят в покои мистера Каннинга? Я не удивлюсь, если судьба и на сей раз сыграет с этой девочкой такую злую шутку. Впрочем, к тому времени, надо полагать, её несчастное тельце придёт в такое состояние, что на неё уже никакой некрофил не позарится. И всё же нельзя так рисковать. Да и как я могу обойтись с ней теперь столь жестоко? Опять сочувствие? Будь оно проклято. Надо её похоронить. Тогда уже никто не причинит ей зла. Зарыть её в землю. Как можно скорее. Нужно раздобыть лопату и мешок. Но как можно хоронить человека в мешке? Разве она собака? Устроить бы девочке приличные похороны –

купить ей нарядное платье и раздобыть хороший гроб. Нет, я сошёл с ума. Откуда мне взять средства на это? Даже если бы я взял все, накопленные мною деньги, этого было бы недостаточно, к тому же все мои вещи остались на работе, а вернуться туда я уже никогда не смогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.